

РЕСПУБЛИКА

АБХАЗИЯ

Республиканское
государственное
учреждение

АПСНЫ
МЕДИА

Газета издаётся с сентября 1991 года

№ 74 (4281) · 10 октября 2023 г.

Учитель – это навсегда

ЛЮБОВЬ К ПРОФЕССИИ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ К ДЕТЯМ

Учитель – не только профессия, это, скорее всего, образ жизни. Избрав для себя эту сложную и интересную профессию, состоявшись в ней, педагоги, как правило, остаются верными и преданными однажды выбранному пути и всю свою жизнь следуют только ему. Кажется, что нового я могу сказать об учителе – школа, ученики, контрольные и проверочные работы, гордость за своих выпускников, благодарная любовь учеников. Но это только на взгляд не посвященных в профессию людей. А как на самом деле? Рабочий день учителя начинается утром, а заканчивается (а может, и не заканчивается) с наступлением сумерек.

Открою читателям маленький секрет: по своей первой профессии автор этих строк – учитель. И, несмотря на то, что в журналистике я уже почти 40 лет, самые мои лучшие годы, поверьте мне, связаны именно с работой в школе. Уважаю, ценю, благодарю всех, кто занимается любимой, такой нужной, необходимой и благородной работой.

На праздничной и немного грустной школьной линейке по случаю последнего звонка я услышала обращение к выпускникам 2023 года гудаутской средней школы №4 им. Героя Абхазии Оскара Гвазава. Класный руководитель Фатима Ласария тогда произнесла такие слова: «Вот и наступил этот день, когда школьный звонок прозвучал для вас, мои дорогие, уже в последний раз. Надеюсь, мы все вместе сможем преодолеть нашу грусть. Пройдет совсем немного времени, каждый из вас выйдет из нашей школы и пойдет своим путем. Я желаю, чтобы на этом пути вам сопутствовали удача, везение, вера, надежда, любовь. Я очень хочу, чтобы вы выбрали такую профессию, которая будет с вами всю вашу жизнь и вам будет в ней интересно. Я хочу пожелать, чтобы рядом с вами всегда были надежные друзья».

А на глазах ее сразу повзрослевших девочек блестели предательские слезинки, готовые вылиться в реки слез. Они стали взрослыми и сразу почувствовали ту большую ответственность, которую на них возлагают. Для Фатимы Ласария этот выпуск – уже четвертый по счету, ее повзрослевшие дети остаются с ней на связи. Каждый день они переписываются в

группе, обсуждают многое, что с ними происходит. Это касается и обсуждения новых книг, фильмов, знакомств. Словом, связь со школой и класным руководителем продолжается.

Фатима Ласария окончила гудаутскую среднюю школу №1 им.Н.Лакоба. Примерная девочка, хорошо училась, любимым занятием было чтение художественной литературы. Однако многие ее учителя отмечали в ней педагогические задатки и пророчили, что из нее вырастет в будущем учитель.

– А кем себя видела в будущем, когда тебе было лет в 10–15? – спросила я свою собеседницу.

– В детстве, учителем я себя точно не видела и не представляла. А наш педагог, учитель русского языка и литературы, Елена Николаевна Гордиенко проводила такие интересные уроки литературы, что не влюбиться в книгу и художественную литературу, не читать было практически невозможно. Ее роль в моем становлении, бесспорно, велика и весома. Спасибо моей школе, моим замечательным педагогам. Хочу отметить уже с высоты моего опыта, что поколение моих учителей было фанатичнее, чем мы, они иначе относились к профессии, с большим уважением к ней! Как

мне казалось, всю свою жизнь проводили с нами, в школе, отдавали свое личное время, переживали и сопереживали вместе с нами. Они были немного другие. Но и сегодня в школах работают прекрасные учителя – опытные, преданные своему делу.

Манана Владимировна Ардзинба, директор гудаутской средней школы № 4, в которой Фатима Ивановна работает уже 30 лет, с гордостью за коллегу отметила, что она – настоящий педагог, пришла в профессию, по велению сердца.

– Что Фатима Ласария – профессионал своего дела, она уже не раз доказывала. О результатах ее работы говорят успехи ее учеников, они не раз становились победителями районных и республиканских олимпиад. А их на-

ставница носит звание учителя первой, самой высшей категории. Но самое большое, на мой взгляд, достижение учителя – это обратная связь с учениками, родительским комитетом. Окончив школу, ее выпускники часто приходят к нам в школу, но в первую очередь они идут к своему любимому учителю. Главный и почетный гость на всех важных событиях в жизни взрослых и самостоятельных учеников – их учитель. Могу с уверенностью сказать, что благодаря ее титаническому труду, огромной любви к детям, большому уважению к труду учителя Фатима Ласария из года в год провожает в большую жизнь достойных граждан нашей страны, – сказала директор школы.

Что самое трудное в профессии учителя и что помогает преодолевать трудности, с точки зрения учителя, Фатимы Ласария:

– Любовь к детям наполняет меня особой энергией. Без этого, как мне кажется, невозможно работать в школе. Мы же не только учим детей читать и грамотно писать, правильно излагать свои мысли, строить предложения. Мы учим их жизни. Наши ученики на наших глазах становятся взрослыми, они должны уметь вести себя в обществе, уважительно относиться к старшим. То есть мы, их наставники, вместе с родителями передаем и наш жизненный опыт. Поэтому в нашем случае любовь к профессии начинается с любви к детям. Иначе как объяснить тот факт, что учителя по 30, 40 и более лет работают в одной школе, иначе они уже не представляют своей жизни. А сложное в нашей профессии – огромная ответственность за наших детей. Поэтому мы стараемся делать все, чтобы наши ученики смогли найти себя, свое призвание, оказаться именно там, где им будет интересно и где они смогут стать профессионалами в своем деле. А еще, что не менее важно, наши ребята – это

наши будущие врачи, учителя, политики, повара, водители, а главное – достойные граждане нашей страны.

У Фатимы Ивановны двое сыновей, которыми она гордится. Младший из них уже окончил школу, а учился в классе, где она была в нескольких ипостасях – учителем, класным руководителем, мамой. Старший сын – известный спортсмен среди любителей футбола в Абхазии, и не только, Виктор Пимпия. Он играет за сборную Абхазии и за гудаутскую команду «Рица». В сезоне 2022 года полузащитник гудаутской «Рицы» был признан лучшим игроком года. А еще Виктор ведет и преподавательскую деятельность – работает в средней школе с. Куланьруха учителем физкультуры.

И напоследок пожелания учителя литературы к ее ученикам: «В наш стремительный век новых современных технологий учебный процесс тоже стал другим, он очень отличается от тех требований, которые были в конце прошлого века. Нынешнее поколение с самого раннего детства достаточно уверенно пользуется многими гаджетами. Возможностей получить необходимую информацию стало намного больше, интернет всегда выручает, когда есть вопросы. Поэтому чтение художественной литературы и книг различной тематики у молодых людей не на первом месте. Мне, как учителю русского языка и литературы, конечно, очень хочется, чтобы наши ученики больше читали. Тогда и речь у них будет яркой и грамотной, и писать они будут без ошибок. А самое главное в жизни – чтобы они выросли настоящими людьми, умеющими любить, дружить, созидать!»

Марина ГАБРИЯ,
собкор газеты
«Республика Абхазия»
по Гудаутскому району

Выборы в Академию наук Абхазии

4 октября на Общем собрании АНА состоялись выборы действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов АНА. Проходили они в соответствии с Уставом АНА и соответствующим Положением.

В результате тайного голосования академиками были избраны доктор медицинских наук Зураб Ясонович Миквабия, доктор педагогических наук Алексей Махазович Касландзия, доктор технических наук Анатолий Иванович Марколия, доктор филологических наук Лили Ризовна Хагба.

Членами-корреспондентами Академии наук Абхазии избраны доктор исторических наук Аслан Фазлыбеевич Авидзба, доктор исторических наук Валерий Левардович Бигуаа, доктор медицинских наук Лали Михайловна Когония и доктор исторических наук Омар Владимирович Маан.

На общем собрании АНА было принято также Положение о Золотой медали, присуждаемой Академией наук Абхазии.

Юлия СОЛОВЬЕВА

ВЕСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕТА

В городе Очамчыре на античном городище Гюэносе прошли археологические раскопки. Напомним, что совместная абхазо-российская археологическая экспедиция во главе с Александром Скаковым (с российской стороны) и Аркадием Джоуа работала в Абхазии ежегодно, начиная с 2002 г. Исследования в Гюэносе проводятся уже несколько лет. В этом году руководителем с российской стороны от Института востоковедения был кандидат исторических наук Виктор Лебединский.

С какими проблемами сталкивались? Как их решили? Чем интересен Гюэнос для науки? Какими находками он радовал прежде, и смог ли удивить на этот раз? Об этом в интервью корреспонденту «РА» рассказал кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея Аркадий Джоуа.

— Наш полевой сезон в г. Очамчыре уже четвертый. Да, трудности были. В этом году начинали очень тяжело, так как, к великому сожалению, когда экспедиция была уже организована, ушёл из жизни учёный, замдиректора Института востоковедения Александр Скаков. Он, желая быть рядом с нами, рвался сюда до последнего, несмотря на тяжёлую болезнь, но увыл! Его не стало прямо перед началом полевого сезона. Это большая потеря не только для нас, археологов. Он всегда делал что мог для Абхазии. Это тот человек, который ни под каким видом ей не изменял. У него была чёткая позиция. Нам будет не хватать его, как друга, как учёного, очень хорошего, порядочного человека. Мы с ним больше двадцати лет вместе, наметили и эту экспедицию, но не успел он в ней поработать. Когда не стало Саши, возникла проблема, кем его заменить, ведь это совместная абхазо-российская экспедиция. В ней участвуют Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазский государственный музей и Институт востоковедения Российской Академии наук. Все решили её продолжить в память Александра Скакова, и этот полевой сезон посвятили ему. Директор Института востоковедения, с которым мы связались, предложил Виктора Лебединского, с которым последние годы мне приходилось работать в области подводной археологии. Временно он заменил Александра Скакова, а в дальнейшем подумаем, как лучше работать. Кстати, в этой экспедиции участвовал и учёный из Севастополя Михаил Фомин.

— Как вы сказали, это четвёртый полевой сезон совместной абхазо-российской экспедиции. Напомним, какие в этот период здесь были находки у археологов?

— Каждый год выдаёт нам что-то обязательно. Из значимых находок в городище Гюэнос — это то плинфы с надписями на арамейском языке, то плинфа с надписями на греческом языке, то святилище раннеантичного времени, где обнаружили каменный идола, золотые, бронзовые предметы, украшения (обработаны и сданы в фонды Абхазского государственного музея), то свинцовый саркофаг периода раннего Средневековья, в котором находился скелет. Мы его нашли на территории храма, раскопанного ещё в 80-е годы историком, археологом Сергеем Шамба. Для исследования саркофага в Абхазии были приглашены специалисты. Ранее в Абхазии находили только каменные и керамические саркофаги. Этот саркофаг темно-серого цвета, без изображений и надписей, очень тяжелый, длиной около двух метров, крышка у него была запаяна, сохранился неплохо, только местами нижняя часть дна отвалилась. Захоронить в нём могли либо известного священнослужителя, либо знатного человека. Сейчас саркофаг находится в экспозиции Абхазского государственного музея. Всего науке известно 40 свинцовых гробов. И вот еще один был найден в Абхазии.

— А местное население проявляло интерес к раскопкам?

— Да, многие приходили, что-то спрашивали с любопытством, но главное — никто не мешал. Во время экспедиций разные случаи бывают непредвиденные, а здесь никаких эксцессов. Мы себя спокойно чувствовали. У нас ведь есть и волонтеры из России, которые в этом году в память Александра Скакова работали бесплатно. Вечерами после работы все гуляли, ходили на пляж, остались довольны.

— А где вы остановились на время полевых работ?

— Нам предоставили жильё в школе-интернате, за что мы очень благодарны её директору Белле Платоновне Ашуба. Душ, столовая, кондиционер, телевизор — у нас были очень хорошие условия. Это так важно, когда после тяжёлого трудового дня под пальцами солнцем можно спокойно отдохнуть. К такому в экспедиции мы не привыкли, обычно в палатках живём. Спасибо Администрации района и директору за то, что они всё возможное сделали для нас.

— Аркадий Иванович, напомните нашим читателям, чем интересен Гюэнос для науки?

— Гюэнос в Очамчыре уникален, так как это древнейший единственный античный город на территории Абхазии, известный как греческий полис, местонахождение которого точно известно. В этом его научное значение.

Античный город упоминается древними авторами (Псевдо-Скилак), начиная со второй половины V — первой половины IV вв. до н.э. А возник не позднее начала — первой половины VI в. до н.э.

Изучение Гюэноса, а точнее наблюдения, ибо раскопки тогда не проводились по разным причинам, началось в 1934-1935 годах. Тогда во время строительства военного порта, к сожалению, снесли большую часть древнего города.

В своё время во время раскопок на данном городище был найден слой более раннего времени, позволяющий определить, что греки пришли туда, где было поселение, а не построили его на пустом месте, как считалось ранее. В этом уникальность научного открытия. И военного конфликта между местным населением и античными

колонистами не наблюдалось, была мирная интеграция.

— Как вы сказали, это четвёртый полевой сезон совместной абхазо-российской экспедиции. Напомним, какие в этот период здесь были находки у археологов?

— Каждый год выдаёт нам что-то обязательно. Из значимых находок в городище Гюэнос — это то плинфы с надписями на арамейском языке, то плинфа с надписями на греческом языке, то святилище раннеантичного времени, где обнаружили каменный идола, золотые, бронзовые предметы, украшения (обработаны и сданы в фонды Абхазского государственного музея), то свинцовый саркофаг периода раннего Средневековья, в котором находился скелет. Мы его нашли на территории храма, раскопанного ещё в 80-е годы историком, археологом Сергеем Шамба. Для исследования саркофага в Абхазии были приглашены специалисты. Ранее в Абхазии находили только каменные и керамические саркофаги. Этот саркофаг темно-серого цвета, без изображений и надписей, очень тяжелый, длиной около двух метров, крышка у него была запаяна, сохранился неплохо, только местами нижняя часть дна отвалилась. Захоронить в нём могли либо известного священнослужителя, либо знатного человека. Сейчас саркофаг находится в экспозиции Абхазского государственного музея. Всего науке известно 40 свинцовых гробов. И вот еще один был найден в Абхазии.

Это древнее городище Гюэнос на окраине города Очамчыра всегда радует нас чем-то значимым для изучения истории Абхазии. Самое главное, что мы уже углубились туда, где слой античного времени заканчивается и начинается слой колхидского времени. Не часто удаётся археологам дойти до такой глубины, так как поднимается вода, и очень трудно вести раскопки. Да, среди наших находок во «влажном» античном слое была деревянная основа седла VI — V вв. до н.э., она сохранилась, потому что находилась в воде, по значимости ни одно золото с ней не сравнится. В этом году намечали идти ниже, копать слой колхидского времени, но у нас не было такой возможности и пришлось приостановить временно, начали копать на той стороне,

где в своё время нашли святилище и саркофаг.

— Вы довольны этим полевым сезоном?

— Да. В целом он прошёл успешно. Сказать, что обнаружили уникальные вещи, не могу, но есть импортная чернолаковая керамика, обнаружили каменную выкладку, глиняную трубу, которая выходит за стенку. Самое главное, мы прочистили многие слои. Между храмом и той частью территории, где был найден саркофаг и где святилище, кладку прочистили и, соответственно, ниже уже опускаемся, а там уже будет более древний слой и будут новые находки. Главное, экспедиция состоялась.

— А как вы пришли в археологию? Мечта детства или случайность?

— Я и не думал об археологии, собирался стать филологом. Но в процессе общения с друзьями Гурамом Гумба, Виталием Бут-

ба и другими пришёл к этому. Я закончил филологический и исторический факультеты. Так получилось, что Борис Джоуа познакомил меня с Вадимом Бжания, который стал наставником для многих ныне известных археологов. Он пригласил меня на раскопки, которые в то время проводились в Тамыше, и я согласился. Вечером я поехал туда, там и остался, работал вместе с Мушии Хварцкия, Лашей Когония, Демуром Бжания, Аликом Габелиа, Зурабом Хибба, Гариком Сангулиа, Баталом Кобабия, Зурабом Хондзиа, Гудисой Вардания и другими. Можно сказать, с этого всё и началось.

— В Абхазии много неизученных памятников?

— Памятники надо искать и находить в разных уголках Абхазии, а для этого надо выезжать на два-три дня, проводить разведку местности, например, в Хуапсе. Даже наземные памятники все не изучены, а кто знает, что под землёй. Особенно верхняя часть Абхазии, горная, предгорная, мало изучена.

— Вы с таким увлечением рассказываете, чувствуется, что археология — это важная часть вашей жизни, ваше любимое дело.

— Да. Без этого жизни для меня нет. Как лето начинается, тянет на поле. Для археолога это главное. Молодёжь сейчас неохотно идёт в археологию. Работаете с ними, но интерес мало у кого проявляется. Нет горения. Очень жаль. Нам бы тоже хотелось оставить учеников после себя, как это сделал Вадим Бжания. У меня они есть, но их не так много.

— Спасибо за беседу.

Интервью вела
Лейла ПАЧУЛИЯ

На снимке: Аркадий Джоуа на раскопках.

Комиссар всегда шел рядом
и немного впереди

Первый телефонный звонок Марину Кетия сразу немного удивил, но когда за первым последовал второй, а потом еще и еще, то восторженно и всколыхнул душу: вызвал и благодарность — не забывают бывшие бойцы своего комиссара, ценят его, вызвал и печаль — не слышит Виталий Кетия этих добрых и искренних слов, вызвал и радость — есть День Победы — большой праздник всего народа Абхазии, хотя и завоеван он в войне с грузинскими захватчиками ценой тысяч жизней патриотов и героев. «Этими звонками, этим своим вниманием они и мне, жене его, и детям, и внукам нашим много тепла к праздничным дням добавили, — говорит Марина Николаевна. — Молодцы ребята! Хотя, какие ребята, давно они уже вышли из этого возраста».

— Я хорошо запомнила его слова, которые он произнес в самый первый день войны, — вспоминает она, — Виталий, вообще, это его домашнее имя, а в официальных общениях, ученики — он был учителем физики в гагрских школах — звали его Александр Георгиевич Кетия. Так вот, тогда он сказал: «Услышанное мною слово «война» и пришедшие с ним ощущения, не знаю как, но мгновенно сделали меня солдатом, родилось острое желание драться, противостоять, спасти, сохранить всё вокруг, ставшее еще более родным и близким. Я иду защищать все это». И он ушел. Ушел на все дни войны. Из Гагры дошел до Ингура.

В Гагре, несмотря на то что она была оккупирована грузинскими боевиками, среди которых бандитствовали и мхедрионовцы, оперативно создается разведывательно-диверсионная группа, и Виталий вошел в нее. Потом группу перебросили в Пицунду, и там уже активно обучали, вооружали, готовили к боевым действиям, к наступлению на Гагру. Ее освобождение было крайне важно для Абхазии — контроль границы с Россией по реке Псоу необходим для передвижения людей и транспорта, для получения сражающейся республикой всего необходимого. Наступление. Операцией руководили Сергей Дбар и другие боевые офицеры. Гагру освободили 6 октября. Это была первая и очень важная победа.

На базе разведывательно-диверсионной группы был создан Гагрский батальон, командовать им стал Виталий Ажиба. А Виталия Кетия назначили командиром роты. В декабре приняли решение о создании при боевых объединениях должности комиссара. И кому, как не Виталию Кетия — человеку с большим жизненным опытом, учителю по призванию, умеющему и понять, и простить, и потребовать, можно доверить эту ответственную работу. И единодушно он становится комиссаром батальона. Остался он комиссаром и в Гагрском гарнизоне, который под началом Гурама Дюпа объединил все подразделения, дислоцированные в Гагре: Гагрский, Пицундский, Цандрипшский батальоны и Бзыбскую роту — всего более 1200 человек. Задачи и обязанности комиссара: строгая дисциплина, боевой дух личного состава, укрепление контактов с российскими военными из Гудаутского воздушно-десантного батальона, которые помогают неопытным абхазским солдатам освоить азы воинского дела. Главная цель — максимально избежать потери.

Тяжелые воспоминания остались у комиссара Кетия о Мартовском наступлении. Многие не вернулись. Этот был и страшный удар, и горе, но и урок, и опыт, без которых на войне нельзя.

Подступы к Сухуму. Создается 2-я бригада под командованием Геннадия Чанба. Проблем и вопросов, решение которых требуется оперативно, невпроворот. Комиссар Кетия на боевом посту. Нередко получалось так, что именно он находил выход из сложившегося положения, давал самый емкий и своевременный совет, помогал вынести раненого с поля боя, чувствовал себя нужным в любой боевой ситуации. Как это помогало воинам! Наверное, это необходимо — ощущать рядом чье-то плечо.

← Праздник Победы для Виталия Кетия был и самый радостный, и самый печальный. Он никогда не нарушал им же установленное правило – обязательно в этот день пообщаться со своими однополчанами и хотя бы душой, но встретиться с теми, кого уже нет.

Его самого нет уже около трех лет.

А те, кто был с ним все дни войны, помнят: комиссар Виталий Кетия всегда шел рядом и немного впереди.

Гагрский «Энергетик» – праздник с генералом Шойгу

После нынешней длительной августовской жары вечерняя сентябрьская прохлада воспринимается благодатным даром. Тихий шелест морского наката, мерцающая лунная дорожка гармонично дополняют душевное состояние – умиротворение с налетом грусти, навеянной воспоминаниями. Меньше чем через два месяца с небольшим, 4 декабря, будет три года,

– как однажды, проезжая Гагру (ехали они из Сочи в Сухум), Сергей Кужугетович заинтересовался у него, где находится его семья. Узнав, что все они в гагрском пансионате «Энергетик» вместе со многими абхазскими беженцами, Шойгу попросил остановить машину у магазина, купил много разных сладостей для детей и велел отвезти его в «Энергетик». Радость детей этим подарком передать словами невозможно. А женщины-беженки окружили генерала, стали расспрашивать его: на что им надеяться, когда закончится эта трагедия? Сергей Шойгу долго беседовал с женщинами, объяснил многое, заверил, что принимаются все возможные меры, чтобы эта война закончилась поскорее, и они бы все смогли вернуться с детьми домой. И дети, и мамы очень душевно поблагодарили российского генерала за красивый праздник, который он им подарил.

Гена очень гордился, что был свидетелем этой доброй встречи, и тем, что запросто общался с большим военным

К нам подбежали однополчане. Кто-то стал поднимать Мирона. Кто-то кинулся в дом на поиски снайпера. За Мирона Адлейба друзья-бойцы отомстили сразу – грузинский снайпер был уничтожен. Мы – бойцы группы Алима Агрба – в полном шоке от произошедшего. Вдруг из ближнего дома послышался женский крик. В ожидании очередной трагедии бросились туда. А там... Там рождался человек. Полная растерянность. Страх. Что делать? Но собрались. Помогли. И в мир пришел новый человек. Сама суть прихода человека в жизнь на время даже притупила боль от ухода из жизни другого, близкого, человека.

Родившегося мальчишку бойцы предложили молодой маме назвать Мирон и объяснили почему. Мама сразу согласилась.

Место ушедшего Мирона на Земле пустым не осталось.

Мирной и счастливой жизни тебе, новый Мирон!

P.S. Мирону сейчас уже тридцать лет. Очень хочется думать, что он

контакты, не связанные с военными и гарнизонными делами, ежедневно – спортивные занятия. В команде – своя медсестра.

Командира Сидоренко можно узнать сразу – ходит в тельняшке и голубом берете. Он очень придирчиво следит за выполнением всех правил поведения. В те дни, когда группа направлялась на Гумистинский фронт для выполнения заданий командования, командир всегда тщательно продумывал, как им всем действовать, нередко представлял ход операции. А ребята, которые уважительно звали своего руководителя «Дед», в такой момент рапортовали: «Дед! К атаке готовы! Дух боевой!»

ДНИ И СУДЬБЫ В БУДНЯХ ВОЙНЫ: НЕЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

как ушел из жизни Гена Амичба, достаточно хорошо известный в среде сухумчан. И Джон Амичба – его младший брат, с которым мы неспешным шагом идем по сухумской набережной, погружившись и в давно ушедшие времена, и в годы, не столь отдаленные, рассказывает мне о разном, что наполняло их братские будни. А лейтмотивом нашей беседы проходит Отечественная война народа Абхазии – оба брата воевали с самого первого и до последнего ее дня. Геннадий награжден медалями «За отвагу» и «За воинскую доблесть», Джон – такими же двумя и еще «За освобождение Кодора», памятными медалями – «К 20-летию Победы» и «Генерал-лейтенанта Харазия». Очень горько звучит наше сожаление, что участником торжеств в Абхазии, посвященных 30-летию Дня Победы и Независимости, Геннадий Амичба не станет – война и для него не прошла бесследно.

Чтобы немного переключить Джона, спрашиваю его, о чем из военных событий чаще всего ему рассказывал старший брат.

– Гена много видел и знал, умел анализировать и делать выводы. На войне такое очень нужно. Высоко ценил своего командира Гиви Камуговича Агрба, который руководил гарнизоном. А еще он любил подчеркнуть, что был хорошо знаком с Сергеем Кужугетовичем Шойгу (нынешний министр обороны России), который тогда был Уполномоченным по делам урегулирования грузино-абхазского конфликта, – говорит Джон.

Во время августовского перемирия, разъединения противоборствующих сторон Гиви Агрба дал задание Гене – у него была машина – возить членов российской комиссии, курирующей урегулирование конфликта. Штаб российских представителей находился в Сочи, в гостинице «Москва». Гена забирал оттуда Шойгу и привозил его в Абхазию.

– В помещении сухумского санатория Московского военного округа проходили переговоры между абхазской и грузинской сторонами в присутствии российских военных, – продолжает Джон. – Тогда уже многие понимали, что грузинская сторона использует перемирие и для перегруппировки сил, и для... Гена часто повторял, как был возмущен Шойгу, когда увидел в грузовом порту, что находится в сухумском районе Маяка, БДК – большой десантный корабль, полностью загруженный добром, награбленным грузинскими боевиками у местного абхазского населения и вывозимым в Грузию.

– С большим удовольствием Гена любил вспоминать, – рассказывает Джон,

профессионалом и государственным деятелем Сергеем Шойгу, – завершил Джон свои воспоминания.

...Мы оба согласились, что в связи с сегодняшней ситуацией на Украине и обстановкой в мире эти воспоминания Геннадия Амичба о Сергее Шойгу приобретают новое звучание.

«Вечная память тебе, солдат Мирон» и «Счастливой жизни тебе, новый Мирон»

– А твоя война, Джон, делящаяся от первого до последнего ее дня, сегодня уже поостыла в памяти? Не тревожит разрывами снарядов, тяжелым ранением друга, трагической вестью? – спрашиваю я.

– Послевоенные 30 лет – это большой отрезок времени, понятно, что он заполнен самыми разными делами, встречами, событиями, информацией. Вроде бы и живешь уже в другом мире, и волнуют события, проблемы, никак не связанные с военными, а вот сказать, что война отпустила совсем, не получается. Да и у многих так. Встретимся с бывшими однополчанами, сразу: как дети, как здоровье, обязательно вопросы политики и вдруг: «А ты помнишь, с какой отдачей работали, когда нам определили участки от Гумистинского моста до Верхней Эшеры строить блиндажи, дзоты, укрепления...» или «А как в дни наступлений мы здорово прикрывали штурмовиков, которые должны были перейти Гумисту...», «Помнишь, когда команда «вперед» давалась нам, пехотинцам, как героически мы шли...» И уходим в воспоминания. Правильно, что бывших солдат не бывает. Вспоминается все по-разному: что-то очень ярко, с деталями, что-то напрягает, бывает, что смещены даты, место действия, лица. Но есть один день, который меня вообще не отпускает.

– Расскажешь?

– Это уже был конец сентября, бои шли за Сухум. Группа, с которой находился командующий гарнизоном Гиви Агрба, уже базировалась в Новом районе. А наша группа, ею руководил Алим – сын Гиви Агрба, взяла Старый поселок. Командующему Гиви Агрба надо было доложить обстановку. С этим заданием в Новый район послали Мирона Адлейба – человека очень уважаемого, опытного, смелого, бывшего афганца и меня. Добрались, доложили и пошли обратно к себе в Старый поселок. Почти уже дошли до своего места базирования. Но грузинский снайпер, прятаясь там в одном из домов, прицельным выстрелом в голову убил Мирона Адлейба. Я был совсем рядом, но судьба, наверное, пожалела меня.

вырос достойным человеком, нашел свое место в жизни, и к нему относятся с таким же уважением, каким пользовался человек, чье имя он получил в память о нем в момент своего прихода в мир.

«Дед! К атаке готовы! Дух боевой!»

Семейство наше в сборе. Сидим в кафе. Там уютно и вкусно. Бесконечное число вопросов друг к другу – давно не виделись. Приехавший в отпуск из Турции, где он исполняет обязанности Полномочного представителя Абхазии, глава нашей семьи Владимир Авидзба стал инициатором этого похода. За соседним столиком четверо молодых людей. Беседуют достаточно громко – пара пустых бутылок способствует подогреву эмоций. Естественно, никто из нас не прислушивается к их словам, но по отдельным, долетаящим к нам, все же можно понять, что речь идет о нашей, недавно минувшей войне. В какой-то момент я заметила, что наш папа обратил внимание на этот соседний столик, стал прислушиваться. На мой вопрос ответил, что там не раз уже произнесли фамилию Сидоренко, а об одном из участников нашей войны с такой фамилией он слышал, хочется узнать, не о нем ли речь. Авидзба встал и пошел к соседям. Представился. Тут же завязался разговор. Двое оказались ткуарчальцами, которые помнят о работе Владимира Джамаловича Авидзба первым секретарем комитета Компартии в их городе, но лично знакомы с ним не были, слышаны и о его нынешней работе в Турции с большой абхазской диаспорой. Общение это завершилось объединением обоих столиков и уже совместным продолжением дружеского застолья. А Сидоренко оказался тем самым, о котором слышал Авидзба, и о дальнейшей судьбе которого хотел узнать. (К сожалению, ни имена наших собеседников, ни дату этой встречи я не записала. А после окончания войны, думаю, прошло не более трех-четырех лет.)

Так кто же такой Анатолий Сидоренко?

Вот, что вспомнили о нем бывшие ребята-воины, наши новые знакомые.

Вскоре после того, как 14 августа 1992 года в Абхазии началась грузино-абхазская война, из Краснодарского края прибыл отряд из пятнадцати человек, которым руководил Анатолий Сидоренко. Стало известно, что все они – каратисты. Отряд включили в состав Гудаутского гарнизона. Краснодарцы сразу привлекли внимание многим. В отряде у них строжайшая дисциплина и порядок; составлены правила поведения: спиртное запрещено, ограничен полноценный отдых, ограничены

Вперед!» Воевали они так смело, храбро, самоотверженно, что вся наступательность, с которой поначалу многие в гарнизоне отнеслись к ним – не местные, держатся особняком – исчезла. Завязались дружеские отношения. А к Анатолию Сидоренко и многие абхазские ребята тоже стали обращаться: «Дед».

Дед со своей командой сражался за Абхазию до самого последнего дня войны.

Первые послевоенные дни. Они были беспокойные. В Сухуме еще прятались грузинские боевики, разные группы занимались грабежами, были драки и убийства. Генерал Гиви Камугович Агрба (он сразу был назначен министром внутренних дел Абхазии) организовал в столице, в основном из недавних бойцов, милицейские отряды.

Ребята днями и ночами, нередко под пулями, делали все, чтобы вернуть жизнь в мирное русло. Одним из самых результативных стал отряд краснодарских каратистов, руководимый Дедом – Анатолием Сидоренко.

В одну из ночей милиционеры окружили группу бандитов, но те не сдавались, отстреливались. Вызвали группу Сидоренко. Одного бандита им удалось захватить и доставить в городской отдел милиции. В кабинете, где были и сотрудники горотдела, и доставившие преступника милиционеры группы Сидоренко, бандит вдруг вытащил спрятанную гранату и сорвал с нее чеку. Сидоренко, ни секунды не раздумывая, бросился на уже летящую гранату и накрыл ее собой. Анатолий Сидоренко спас молодые жизни и еще раз подтвердил: он всегда – командир, воспитатель, солдат. Тяжелое ранение получил сотрудник милиции Руслан Шенгелия, позже он скончался.

Мемориал в память об этом подвиге сейчас стоит во дворе Сухумского городского Управления внутренних дел.

...Сегодня, когда мы отмечаем 30-летие победного окончания нашей войны, я вспомнила нашу давнюю и случайную встречу в сухумском кафе, вспомнила, с каким уважением и почтением говорили абхазские солдаты о боевом отряде из Краснодарского края призыва Анатолии Сидоренко и о своей фронтовой дружбе с русскими парнями, которые встали рядом, чтобы вместе противостоять захватническим действиям Грузии и защитить свободу и независимость Абхазии.

Я рассказала об этом то, что сумела сохранить моя память.

**Публикацию подготовила
Лилиана ЯКОВЛЕВА**

Их называли «гвардейцами» – эту группу из 5-6 вооруженных до зубов человек, занявших сред почти напротив сельской средней школы, немного левее, на стыке двух улиц, опоясывающих огромное Лечкопское кладбище. Рядом находился детский сад, в котором раньше размещалась начальная, а потом и основная школа. Сюда ходили моя дочка и племянница – обе Сусанны. Было очень удобно, дети находились рядом.

Сад и двухэтажная типовая школа не функционировали уже несколько месяцев, с самого начала неожиданно разразившейся войны, хотя о её неизбежности не говорил только тот, кто «нишака называл дядей», – именно так гласит народная поговорка об очень ленивом человеке.

Мы знали, трезвым умом понимали, что обязательно начнётся война, потому что развитие последних событий недвусмысленно «говорило» о её неизбежности, но не хотели в это верить, уж очень не хотели верить, что она начнётся. Вопрос войны и мира настолько был злостным, что любое застолье с некоторых пор обязательно начиналось с тоста за мир во всем мире. И этот тост пили стоя. Но со временем он стал привычно-традиционным, если можно так сказать, просто «тостом для галочки», ничего не говорящим, ничего не значащим. И только те немногие, кто трезво мыслит, горько шутили после очередного поднятого стакана: «Как бы не накликал на свою голову беду. Не нравится всё это, ой как не нравится». И как оказалось впоследствии, словно в воду глядели, как ясновидящие, как Нострадамусы и Ванги.

Это было то предвоенное время, когда практически каждый день угоняли автомобили, похищали уже «отоваренных» людей, успешных разбогатеть за годы перестройки, похищали их родственников. Возвращали, конечно же, за выкуп. А если кто-то отказывался платить, то через некоторое время находил сгоревшую машину или труп ни в чём не повинного человека. И эта практика угонов и похищений всё больше набирала обороты, становилась своеобразным, очень доходным «бизнесом».

В августовские дни я, директор школы, был занят подготовительными ремонтными работами, приближался новый учебный год. И 14 августа 1992 года, засучив рукава, я красил классные комнаты вместе с мастером Григором Празяном. Я даже не подозревал, что школа в ближайшее время будет разграблена. Ведь я не знал, что, как писала потом местная пресса, под предлогом защиты железнодорожных путей уже началась война, боевые действия развернулись в районе Турбазы, где моя жена Гоарик и дочка Сусанна неожиданно попали под обстрел, когда шли к родственникам в гости. Им удалось чудом спастись бегством, до крови разбив ноги.

Работал я в школе до позднего вечера, совсем не подозревая, что все наши соседи с тревогой ждут меня перед домом тёти Марики, где соединяются три переулка, образуя небольшую площадь; здесь в детстве мы гоняли футбольный мяч, иногда к нам присоединялись и старшие – дяди Борис и Бено, когда бывали «под жирной мухой». На телефонные звонки соседей я не отвечал, потому что находился далеко от своего кабинета

– в самом конце длинного коридора на первом этаже – и не слышал их. Я вернулся домой поздно вечером, и все наши соседи облегчённо вздохнули, когда увидели меня перед домом дяди Ладико и тёти Лиды – на повороте к нашему переулку.

В селе, ставшем почти прифронтовым, уже не было детей дошкольного и школьного возрастов. С началом боевых действий практически все сельчане покинули родные очаги. Одни перешли реку Гумисту и вступили в ряды абхазских ополченцев; другие – поселились в основном в Сочинском районе – поближе к границе, надеясь на скорейшее окончание войны.

Были и те, кто не хотел воевать против своего соседа, друга, знакомого и даже родственника – с ними ещё вчера радовался и грустил, делил хлеб-соль.

Хлебосольство – не только святое понятие для всех народов, и особенно для кавказских. Оно ещё и своеобразная клятва: «Я помню хлеб-соль в твоём доме». Нарушение клятвы было равносильно позору. И для такого случая есть соответствующая народная мудрость: «Хлеб-соль находится на его коленях: когда он встаёт – она падает».

Но это уже проклятие. Не дай Бог, конечно, быть проклятым именно таким образом. Это проклятие мало того что не забывалось, – оно переходило «по на-

щениями, убийствами... Конечно, эти одетые во что попало люди, но обязательно с зелёной повязкой-ленточкой на голове, не имели ничего общего с настоящими гвардейцами, с военнослужащими регулярных войск. Они были просто мародёрами и орудовали в окрестных сёлах в поисках «своей добычи».

Хотя наша школа, как и все остальные «прифронтовые» учебные заведения, не работала, но я, как её директор, иногда приходил сюда, стараясь не бросаться в глаза «гвардейцам». Точно так же приходили наш завхоз Артавазд Вардиан и сторож дядя Митя Попандуло. Учителей не было: почти все они, как и остальные жители села, покинули свои дома, многие из них уже работали: конечно, кто где смог устроиться, и совсем не обязательно по специальности (это удавалось очень немногим), ведь тогда было важно просто найти какое-нибудь мало-мальски оплачиваемое занятие и прокормить семью. Это было наиглавнейшей задачей того времени: сохранить и прокормить семью.

Как-то непривычно было здесь находиться, в недавно на совесть отремонтированном школьном здании. Казалось, что без весёлого детского шума и гама всё ниже и ниже опускается школьный потолок, готовый вот-вот обвалиться.

Осиротевшие классные комнаты, длинные и широкие коридоры задыхались от переполнившей их

городская и районная администрации.

Помню, сколько же бюрократических хлопот доставила нам установка подстанции! А проложение водопровода? – с двух сторон которого с завидным постоянством, невзирая на запреты, появлялись всё новые и новые захоронения, сужая смертельное кольцо вокруг школы. Однажды дело чуть ли не дошло до кровопролития...

Жители села периодически поднимали этот наиболее важный вопрос, ведь водопровод иногда повреждался, порой его по неосторожности повреждали и сами могильщики, а трупы со временем разлагались, и опасные бактерии могли попасть в питьевую воду, угрожая здоровью людей.

К чести сотрудников Совета Министров, они все вопросы решали оперативно и обязательно в интересах школы.

...Единственным утешением, немного успокаивающим душу, была церковь Сурб Арутюн (Святое Воскресение), открытая в здании школы стараниями сельской общины «Комитас» под руководством Размика Ипекчяна – врача-кардиолога городской больницы. Церковь освятили в 1992 году.

В моём архиве сохранились фотографии, рассказывающие об этом знаменательном дне. На строительстве церкви работали все, от мала до велика, каждый вносил свою посильную лепту в это богоугодное дело. И эта работа

ДЕТИ ВИДЕЛИ САМЫЕ ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ...

следству», приликая к именам детей человека, «не удержавшего хлеб-соль на коленях». Так и говорили: сын или дочь того неблагодарного, осквернившего хлеб-соль уважаемого человека...

Была ещё одна веская причина для отъезда жителей прифронтовых сёл из своих домов: это сохранение детей от возможных трагических неожиданностей, случайностей, связанных с боевыми действиями.

В домах оставались только старшие, дедушки и бабушки. Вот их и взяли якобы охранять и защищать от распоясавшихся в ту пору мародёров эти «доблестные гвардейцы». Не просто так «охранять и защищать» за чьи-то красивые глаза, а за соответствующую плату, и к тому же, конечно, приличную. Хотя сами были настоящими грабителями ещё с той большой дороги.

По свидетельству Первого Президента Абхазии Владислава Ардзинба, «к сентябрю 1992 года более 15 тысяч армян вынужденно покинули Абхазию...», а жители села Аракич Очамырского района, не сумев собрать означенную гвардейцами дань в 30 миллионов рублей, оставили свои дома... Убиты двое членов армянского культурно-благотворительного общества «Крунк» А.Кешабян и Р.Аракелян, сопровождавшие армян-беженцев из Гагры».

Слово «гвардеец» жители села, да и всей республики, произносили с особой интонацией, означавшей одновременно и страх, и презрение, и ненависть, и усмешку. Это слово потеряло своё первоначальное значение: в сознании людей оно уже ассоциировалось с мародёрством, грабежами, похи-

дающей пустоты. Здесь очень не хватало воздуха. Нет, его не было совсем, несмотря на настежь открытые двери и выбитые оконные рамы.

Здесь – безвоздушное пространство, невесомость. Казалось, вот-вот поплывут, как в салоне космического корабля, парты, стулья, учебники и другие школьные принадлежности. Поплывут вместе с глобусом, на котором под густым слоем (так и хочется сказать: космической) пыли затерялись многие государства, невзирая на неприкосновенность своих границ, гарантированную конституциями и клятвами президентов, осунулись моря и океаны – как под непроницаемой пеленой тумана и мглы. Глобус стоял на опасном месте, на самом краю стола: стоило дотронуться до него, и он рухнул бы на пол... Нет, это наша планета Земля вышла бы из своей орбиты...

Кстати, здание школы находилось на административной границе между городом Сухумом и одноимённым Сухумским районом. Точно так же был расположен и школьный земельный участок, почти поровну разделившись на районную и городскую части. И это создавало немало проблем и хлопот для дирекции школы. Иной раз дело доходило до абсурда. Бывало, что для принятия какого-то решения мы напрямую обращались в Совет Министров республики, когда городская и районная власти, как тогда было модно говорить, «не приходили к консенсусу». Например, будучи сельской школой, её мандариновый участок находился на городской территории, и на него одновременно предъявляли свои законные права

душевно сближала людей, сплавляла, делала их родными и нужными друг другу.

Ещё бы! Всё свободное время жители близлежащих домов проводили на строительстве, которое финансово поддерживал и банкир Тигран Цатурян. Говорят, что его юристом некогда был сам Владимир Вольфович Жириновский! Не буду утверждать, но фотографию, запечатлевшую их и руководителя Абхазии Владислава Ардзинба, видел собственными глазами у родственника Тиграна – Агаси Цатуряна, моего хорошего знакомого. К сожалению, рано ушёл из жизни Тигран, этот добрый и отзывчивый человек, ушёл из-за сахарного диабета, приведшего его к полной слепоте, а затем и к смерти.

Очень тепло отзывается о Тигране В.Ардзинба в своей книге «Моя жизнь», назвав его семью замечательной: «Когда я рассказал ему о том, что мы вынуждены вывозить раненых с поля боя на грузовиках, и попросил о помощи, он приобрёл для нас 10 автомашин УАЗ. Он неоднократно нам помогал: в его доме иногда проходили встречи с нужными людьми».

Вёл службу в церкви молодой священник, выпускник Эчмиадзинской духовной семинарии Тер Татев Арутюнян. Специально для него за счёт факультативов я ввёл в учебный план 6-7-х классов новый предмет – историю религии и армянской церкви. Мы организовали и школьный церковный хор с участием наших учеников.

Тер Татев уехал из Абхазии в первые дни войны.

Конечно, никто, ни словом, даже намёком не осудил его за этот шаг: все хорошо понимали, что

каждый, в том числе и Тер Татев, спасал свою семью как мог, как считал нужным и возможным. Тем более, у него недавно родился третий ребёнок. Уверен: если священник решил бы остаться, сами сельчане потребовали бы, чтобы он уехал, вывез семью в безопасное место. Если я не ошибаюсь, некоторое время Тер Татев провёл в России, а затем переехал в США на постоянное жительство.

Я тоже вывез свою семью – жену Гоарик, пятилетнюю дочь Сусанну и трёхлетнего сына Айку – из Сухума в Армению. Вывез по настоятельному требованию моих родителей: «Дети могут испугаться, и этот страх останется в их душе на всю жизнь. Вывези детей, пока не поздно», – строго сказал отец. Его поддержала и моя мама.

Да и я сам понимал, что они правы. Дети действительно боялись рёва двигателей военных самолётов и вертолётов, которые пролетали над нашими домами. При их появлении они забегали домой и прятались под нашим круглым добротным столом, который стоял в центре зала. Дети видели самые первые выстрелы, произведённые из вертолётки, «стоящего» в воздухе буквально над нашим домом. Два снаряда попали в жилой 9-этажный дом перед спуском у выезда из Сухума к Ачадарскому мосту.

В Армении мы остановились у Азы – родственницы Гоарик, почти на окраине Еревана – в пригородном посёлке Джржеж. Так как Аза сама еле сводила концы с концами, мы вскоре переехали в посёлок Нор Ачн к двоюродному брату Гоарик – Тиграну: мастеру на все руки, добрейшей души человеку, прекрасно исполняющему народные армянские песни. По иронии судьбы, неподалёку от Нор Ачна находился военный аэродром Вооружённых сил СНГ. И когда оттуда с тягучим свистом взлетали самолёты, Сусанна и Айка в страхе забегали в подъезд, чтобы спрятаться под лестницей. Помню, одна из соседок решила пошутить: «Смотри, Айка, – сказала она, – сейчас самолёт ка-ак выпустит ракету...»

То, что было потом, невозможно описать словами. Весь двор долго успокаивал впавшего в истерику Айку, упрекая сконфуженную женщину за неудачную шутку и проклиная тех, кто начал войну в Арцахе и Абхазии. Они-то хорошо знали что такое война, ведь многие из них сами или же их родственники были участниками армяно-азербайджанской войны в Нагорном Карабахе, где потеряли своих близких, и не первый год носили чёрную траурную одежду.

Через некоторое время, когда в местной администрации Гоарик и детей зарегистрировали беженцами (это означало, что они будут получать по одной крохотной булочке в сутки, для чего надо было всю ночь простоять в очереди перед железным магазинным окошком), я с большим трудом через Адлер, а оттуда рыболовецким сейнером, вернулся в Сухум, где оставались мои родители – больной отец Айка и ухаживающая за ним мать Гегануш.

Артавазд САРЕЦЯН